

О.Н. Борох

ИДВ РАН

**«Высокие идеи» и «заветные мечты» 1933 года:
будущее Китая в представлениях интеллектуалов**

В январе 1933 г. выходящий в Шанхае журнал *Дунфан цзачжи* опубликовал подборку ответов представителей интеллектуальной элиты на вопросы о будущем. Материал под заголовком «Новогодние мечты» (*Синь нянь дэ мэньсян*), занимающий более восьмидесяти журнальных страниц, даёт уникальную возможность получить представление о настроениях образованных слоёв общества того времени.

Дунфан цзачжи, к публикации которого издательство *Шанъу иньшугуань* приступило в 1904 г., пользовался репутацией влиятельного общественно-политического издания. Инициатива проведения опроса принадлежала Ху Юйчжи, занявшему пост главного редактора в августе 1932 г. В ноябре редакция направила известным людям более 400 писем с просьбой ответить на два вопроса: «Каким господин мечтает видеть будущий Китай? Какие мечты у господина относительно собственной жизни?»

В журнале была приведена информация о количестве полученных откликов, их распределении по регионам и профессиональной принадлежности респондентов. В редакцию поступили 160 ответов, из них были напечатаны 142. На оба вопроса ответили 105 человек, только на первый – 33 человека, только на второй – 7 человек. Более половины ответов пришли из Шанхая (78 человек), также отклики были получены из Нанкина (17), Пекина (12), Ханчжоу (8), Гуанчжоу (4), из Тяньцзиня, Цзинани и Аньцина ответили по два респондента. Подавляющее большинство откликов дали представители интеллигенции – профессора университетов (38 человек), издатели и писатели (39), деятели образования (9), журналисты (12), деятели искусства (3). Среди опрошенных были чиновники (12), служащие (4), учащиеся (3),

---

© Борох О.Н., 2014

банкиры (2), предприниматели (3), адвокат и трое читателей журнала без указания рода занятий. Из опубликованных ответов лишь четыре принадлежали женщинам. Самым старшим из участников опроса был 94-летний католический мыслитель и просветитель Ма Сянбо. В послесловии к публикации было отмечено, что хотя писатель Линь Юйтан и полагал, будто с годами люди мечтают меньше, большая часть участников опроса были старше 35 лет.

Среди многообразия представленных на страницах журнала мнений можно выделить несколько ведущих тенденций. Представления о будущем многих участников опроса носят социалистический окрас и содержат упоминания об утопическом обществе «Великого единения» (*Датун*). Источниками этих воззрений послужили традиционные конфуцианские представления о социальной гармонии и опирающиеся на них трактовки мира Датун в официальной гоминьдановской идеологии. Помимо этого, среди интеллигенции обрели популярность марксистские идеи, влияние которых было подкреплено успешным продвижением социалистической модернизации экономики в СССР на фоне «великой депрессии» в западных странах.

О желании видеть будущее Китая подобным идеалу из древней книги *Ли цзи*, где было сказано о том, что «Поднебесная будет принадлежать всем», заявил авторитетный экономист Ли Цюаньши, возглавлявший Школу коммерции Фуданьского университета [3, с. 38]. Писатель Се Бинъин ответила, что мечтает о мире «Великого единения» без государственных границ, наций и классовых различий; для неё это была мечта о социалистическом государстве, где получат развитие совместное производство и совместное потребление [3, с. 2]. Сходное мнение выразил писатель Юй Дафу – в будущем в Китае не будет классов, не будет борьбы, не будет материального гнёта. Он предположил, что к тому времени также исчезнет потребность в частной собственности [3, с. 5]. Профессор университета Аньхоя, известный историк китайской философии Фань Шоукан сказал, что в Китае не будет разрыва между классами бедных и богатых, как не будет и различного отношения к мужчинам и женщинам [3, с. 6]. Читатель Цзинь Дин мечтал о том, что в будущем все китайцы смогут в одинаковой степени воспользоваться достижениями цивилизации: духи, автомобили, электрические лампы, танцы, газеты, книги станут доступны каждому [3, с. 7, 8].

Опрос продемонстрировал, что в то время социалистические идеи оказывали заметное влияние на китайскую гуманитарную интеллигенцию. Участвовавший в создании КПК профессор университета Цинхуа философ Чжан Шэньфу (вышел из партии в 1925 г.)

заявил, что сохраняет веру в прежние идеи, предложив осуществить их синтез с традиционной культурой и достижениями западной цивилизации. Учёный мечтал, чтобы в будущем в Китае были «реализованы идеалы гуманности Конфуция, идеалы научности Рассела и идеалы коммунизма Ленина» [3, с. 9, 10]. В опросе можно найти слова о том, что «Китай неизбежно пойдёт по пути научного социализма» (профессор Цзинаньского университета Ли Шицэнь) [3, с. 11, 12], что в стране будет построено великое социалистическое государство (профессор Яньцзинского университета новеллист Чжэн Чжэньдо) [3, с. 3, 4], что будущее Китая – это диктатура пролетариата и государство общей собственности (профессор Шанхайского института права Чжу Иньцин) [3, с. 19].

Банкир Юй Хуаньдэн видел будущий Китай как федеративное социалистическое государство, включающее Корею, Тайвань и даже Японию [3, с. 19]. У Яньинь из министерства образования полагал, что после революции в Китае не останется классовых различий и системы частной собственности [3, с. 31, 32]. Писатель и переводчик У Сымао мечтал, что в Китае будет осуществлена электрификация всей страны и введено всеобщее образование [3, с. 36].

Часто мечты носили характер утопии с элементами казарменного социализма. Цзян Цзешэн из Института общественных наук полагал, что люди будут жить в больших общих квартирах, продолжительность рабочего дня составит 4–6 часов, после сигнала к началу работы люди смогут оказаться на рабочем месте в течение секунды [3, с. 23]. Профессор Института права и политики Цянь Сяоцю думал, что крестьяне будут питаться по карточкам в деревенских столовых [3, с. 49, 50].

Другая тема, объединяющая ответы многих участников опроса – это желание увидеть Китай независимым и развитым государством, способным создать достойные условия для жизни людей. В некоторых случаях на первый план выходили националистические настроения и недовольство господством иностранных держав. Главный редактор шанхайского журнала *Сяньдай* писатель Ши Чжэцунь заявил, что мечтает о таком времени, когда выезжающие за границу китайцы не будут подвергаться унижениям, а сами китайцы смогут называть приезжающих в страну иностранцев «заморскими чертями», на что сейчас им сейчас не хватает решимости [3, с. 38, 39]. Цянь Сяоцю из Института права и политики мечтал, чтобы в будущем в китайских портах не было иностранных военных кораблей, иностранные банки превратились бы в китайские, заводы иностранных предпринимателей вернулись бы китайцам. Эти перемены будут сопровождаться

развитием экономики – по реке Янцзы будут ходить суда, произведённые в Китае, будет построена крупнейшая в мире гидроэлектростанция, в деревне начнут использовать самые новые иностранные механизмы [3, с. 49, 50].

Важность обретения независимости подчеркнул Чэнь Ханьшэн, возглавлявший Институт общественных наук Академии наук. В те годы он сочувствовал коммунистам, занимался изучением ситуации в китайской деревне в интересах обоснования необходимости революционных перемен, подчёркивая, что решение аграрных проблем достижимо лишь вместе с национальным освобождением. На страницах журнала Чэнь Ханьшэн выразил надежду, что Китай полностью освободится от иностранного господства [3, с. 9].

Вместе с тем были представлены политические «мечты» влиятельных общественных деятелей, не относившихся к марксистскому течению. Профессор Яньцзиньского университета Чжан Цзюньмай изложил целую программу: выборы депутатов, которые будут решать вопросы войны и мира, защита индивидуальных свобод, переход к государственному социализму в экономической сфере [3, с. 21, 22]. Католик Ма Сянбо полагал, что в Китае не будет ни однопартийной диктатуры, как в СССР, ни смены у власти двух партий, как в США. Вместо этого появится государство, управляемое народом (民治) и законом (法治), где основной закон будет гарантировать основные права [3, с. 53, 54]. О важности политического равенства людей и власти закона высказывались и другие участники опроса – Чжан Шуйци из Банка Шанхая [3, с. 6], предприниматель Му Оучу [3, с. 14].

Мечты высокопоставленных чиновников мало отличались от официальных планов властей. Министр иностранных дел Ло Вэньгань заявил, что в будущем «правительство сможет объединить всю страну», в Китае не станет бандитов, исчезнут внешние озабоченности, люди будут жить в спокойствии. Военные чиновники не будут бояться смерти, а гражданские не будут брать взятки, молодёжь станет трудолюбивой, не будет носить иностранные наряды, возродятся национальные товары [3, с. 2, 3]. Дай Ингуань из министерства образования поделился мечтой о том, что Китай через несколько десятков лет выполнит промышленный план Сунь Ятсена, будут построены железные и автомобильные дороги, получат развитие судоходство, авиация, образование, наука [3, с. 12, 13].

Редактор издательства *Каймин шудянь* Гу Цзюньчжэн представил мечту о будущем экономическом процветании в образной и запоминающейся форме, предположив, что годовой тираж журнала *Дунфан цзачжи* достигнет 40 млн. экземпляров, а наборщики будут работать лишь по 4 часа в день [3, с. 14].

Чаще всего политические мечты включали пожелания о прекращении гражданской войны, преодолении взяточничества, развитии промышленности и транспорта, распространении образования и уничтожении неграмотности, отмене неравноправных договоров. Читатель Чжоу Юйин представил более детальную картину светлого будущего: Китаю будут возвращены захваченные Японией земли трёх провинций, все неравноправные договоры признают недействительными, страна пойдёт по пути плановой экономики, что позволит постепенно осуществить принцип народного благоденствия [3, с. 17, 18].

Гао Цзяньсы, возглавлявший Институт народного образования провинции Цзянсу, предположил, что в экономической сфере получит развитие система кооперативов, а интеллигенция пойдёт в деревню обучать соотечественников, которым недостаёт знаний [3, с. 17]. Учёные мечтали об оздоровлении общественных нравов и создании нового типа отношения между обществом и государством, дающих больше места для развития индивида. Выдающийся историк, профессор Яньциньского университета Гу Цзеган указал, что в Китае не станет людей, курящих опиум и глотающих красные пилюли, будет разрушена прежняя система семьи, будет поощряться миграция, интеллигенция пойдёт в народ, каждый получит профессию [3, с. 31]. Профессор Шанхайского государственного института коммерции Юй Сунхуа предположил, что в Китае появится учёный, который сможет изменить клетки человека, чтобы новый гражданин стал, прежде всего, создателем, а не обладателем. Все люди будут работать, среди них не останется паразитов, Китай даст миру великих учёных, деятелей искусства, философов, политиков, военных, экономистов. Когда будут уничтожены передаваемые по наследству взяточничество, лень, глупость, жестокость и другие негативные качества, наступит расцвет добродетели [3, с. 58]. Корреспондент газеты *Шинь синьбао* Пань Гунби поделился мечтой о том, что международное положение Китая повысится, а в стране появятся учёные и философы мирового уровня [3, с. 50, 51].

Большой проблемой было создание компетентной и эффективной власти, способной заручиться доверием народа и повести Китай по пути развития. Советник Шанхайского городского правительства У Юйгань сказал, что мечтает о превращении Китая в настоящее «народное» (民) государство, то есть полноценную республику (民国), где чиновники перестали бы служить инструментом гражданской войны, а люди могли бы противостоять поборам [3, с. 22]. Мечтой профессора Чжэцзянского университета Чжэн Сяоцана было создание в Китае меритократии, продвигающей к власти мудрых и достойных (选贤与能) [3, с. 46, 47]. По мнению профессора Института права

и политики Чжоу Хуаня, в Китае должно появиться организованное, способное и чистое правительство, при котором будут возвращены утраченные территории [3, с. 19, 20]. Известный историк, профессор университета Дася Лян Юаньдун выразил надежду, что власть не будет подавлять людей, общество будет создаваться вокруг индивида, а не вокруг правительства [3, с. 20]. Адвокат Чжан Яоцэн полагал, что Китай станет демократическим государством с сосуществованием частной и государственной собственности [3, с. 34, 36].

Политические программы и экономические цели соединились друг с другом. Редактор издательства *Шанхай вэньку* Ло Шухэ мечтал о том, чтобы трудящиеся принимали участие в политике, в экономической сфере проходила электрификация, а в духовной области осуществлялась популяризация культуры [3, с. 38]. Профессор Цзинаньского университета Чжан Сянши сказал, что через полвека к 1983 г. в Китае будет создано новое мирное государство, где будет равенство людей, а через столетие к 2032 г. будет завершён проект очистки воды всех больших и малых рек Китая [3, с. 39, 40]. Неоднократно повторяющиеся мечты о том, чтобы у китайцев были еда, одежда и жильё, акцентировали важность модернизации материальной жизни людей. Решающую точку в этой линии рассуждений поставил профессор Цзинаньского университета Чжоу Гучэн, заявивший, что мечтает о тех временах, когда у каждого китайца будет туалет с водяным сливом [3, с. 23].

Националистические рассуждения доминировали среди участников опроса, но не занимали интеллектуальное пространство целиком. Редактор отдела литературы и искусства журнала *Дунфан цзачжи* Сюй Тяофу кратко заметил, что в будущем в Китае не будет слов «национальное учение» (国学), «национальная медицина» (国医), «национальное искусство» (国术), «национальный позор» (国耻), «национальное бедствие» (国难) [3, с. 14]. По этому поводу редактор журнала указал, что большинство интеллектуалов мечтает о том, что идеальный Китай станет частью идеального мира, им чужды имперские устремления в духе европейских фашистов. В этой ситуации образ прошлого и настоящего страны не удовлетворяет людей, мечтающих о «новом Китае»: «Естественно, государство не нужно никому. Но разве мы все не любим государство?» [3, с. 82].

Хотя многие мечтали о демократии, среди участников опроса были выступления за жёсткую власть. Профессор университета Цинхуа Юй Пинбо заявил, что Китаю необходима абсолютная просвещённая диктатура [3, с. 25]. Профессор Фуданьского университета Юань Даофэн также считал, что в Китае возможно появление диктатуры [3, с. 25, 26]. Читатель по имени Сунь Болу предположил,

что в будущем в Китае появятся люди, подобные Муссолини и Кемалю Ататюрку, которые с помощью методов диктатуры спасут страну от кризиса [3, с. 36, 37].

Некоторые авторы говорили о том, что впереди у Китая много жертв и страданий, а путь в будущее пролегает через революцию. Участники опроса предрекали повторение в Китае «российской драмы октября 1917 года» [3, с. 16, 17], они думали о «молодом Китае», которому предстоит пройти через великое разрушение и великое строительство, способные превзойти по своему масштабу события в Советской России [3, с. 13].

Избранный журналом *Дунфан цзачжи* взгляд на будущее Китая через призму «новогодних мечтаний» часто приводил к смешению разумных оценок с эмоциональными переживаниями, сухих прогнозов – с беллетризованными образами. Примечательно, что после январской публикации *Дунфан цзачжи* в мае 1933 г. журнал *Шэньбао юэкань* провёл первую организованную дискуссию о путях модернизации Китая. Метод её проведения был похожим. Авторитетным представителям научных кругов были направлены письма с предложением ответить на вопросы о том, с какими трудностями и препятствиями сталкивается модернизация Китая, каковы её предпосылки, какими методами она должна осуществляться – индивидуалистическими или социалистическими, должен ли при её проведении использоваться иностранный или национальный капитал [4, с. 1]. Хотя опрос *Дунфан цзачжи* был более широким по охвату, обе публикации объединяет общее желание заглянуть в будущее, провести обсуждение с участием интеллектуальной элиты.

Специфической чертой опроса *Дунфан цзачжи* стал вопрос о личной мечте, раскрывающей представления интеллектуалов о будущем страны с точки зрения их восприятия собственной жизни. Размышления деятелей литературы были сосредоточены вокруг проблемы свободы. Ба Цзинь заметил: «В чём моя надежда? Свободно говорить слова, которые я хочу говорить, писать статьи, которые я хочу написать, делать те дела, которые, как я считаю, следует делать, не подвергаться вмешательству других, не стать рабом других, не использоваться другими» [3, с. 59]. Писатель Юй Дафу, сказал, что, подобно людям древности, мечтает стать святым. Достигшему этой ступени не нужны еда, одежда, дом и семья, он «не подвергается гнёту реальной жизни», но на деле эта мечта неосуществима [3, с. 60].

Большинство опрошенных были преисполнены уверенности в своих силах. О желании служить обществу заявил предприниматель Му Оучу – он хотел бы по плану продвигаться в делах, чтобы помогать жить простым людям, добиваться для них счастья, а в свободное

время заниматься учёбой, чтобы овладеть знаниями [3, с. 65]. Экономист Чжан Найци, служивший в то время в Шанхае в Чжэцзянском промышленном банке, признался, что чувствует поток революции, его мечтой было прийти в массы и делать то, что делают простые люди [3, с. 73].

Многие личные мечты были конкретными, практичными и привязанными к реальности. Редактор издательства *Шэньчжоу гогуанишэ* Ху Цююань поведал, что хотел бы создать влиятельную газету, собрать хорошую библиотеку, открыть книжный магазин [3, с. 62, 63]. Мечтами профессора Цзинаньского университета Вэй Цзюйсяня было завершение написания общей истории Китая и поездки на раскопки на Северо-Запад страны [3, с. 62]. Историк Гу Цзеган ответил, что хотел бы вести спокойную исследовательскую жизнь и внести вклад в науку, чтобы тем самым изменить идеи людей. Он заметил, что не нуждается в славе и богатстве, но хотел бы дожить до семидесяти лет без серьёзных болезней [3, с. 74].

Было заметно и ощущение притягательной новизны открывшегося китайским интеллектуалам внешнего мира. Профессор Фуданьского университета Юань Даофэн выразил желание раз в четыре года совершать путешествие в Европу и Америку [3, с. 72]. Экономист Ли Цюаньши хотел бы 8 месяцев в году работать и 4 – путешествовать [3, с. 76]. Ещё один читатель Чжу Ю мечтал путешествовать 1–2 месяца в году, изучить 2–3 иностранных языка, включая эсперанто, чтобы перевести на этот язык известные китайские произведения [3, с. 72, 73].

Некоторые мечты выглядят как прозорливое предвидение грядущей глобализации академического сообщества. Известный адвокат Чжан Яоцэн ожидал, что в будущем появятся приёмники и беспроводные телефоны, беспроводная связь позволит обмениваться научными докладами с учёными из других стран, крупные учёные будут прилетать в Китай из-за границы на самолётах для проведения экспериментов и работы над новыми открытиями [3, с. 74, 75]. Профессор Учанского университета Чжунхуа Чэнь Ши собирался сосредоточить все усилия для того, чтобы за полвека его учебное заведение вышло на мировой уровень и встало в один ряд с университетами Оксфорда, Кембриджа, Гарварда, Йеля, Парижа, Женевы и университетом Кэйо в Японии [3, с. 79]. Ян Синфо из Академии наук мечтал создать в живописном месте для детей и молодёжи в возрасте от пяти до двадцати лет парк развлечений и обучения, где было бы своё производство, сельскохозяйственное поле, лаборатория, библиотека, территория для игр, стадион [3, с. 77].

С другой стороны, в некоторых ответах прочитываются усталость от социальных потрясений и стремление отгородиться от них, посвятив своё время приятному чтению. Писатель Чжан Ипин хотел не болеть, лучше питаться и быстрее ходить, а также иметь возможность, сидя на набережной в Шанхае, читать книги Горького, Чехова и Мопассана [3, с. 77]. Профессор Фуданьского университета, писатель и переводчик Се Люи мечтал в красивом парке читать хорошие книги, чтобы при этом никто не ругал его за отсутствие «революционности» [3, с. 60].

Писатель Лао Шэ поделился мечтой об интересной жизни, но при этом привёл пример интересного события, полностью лишённого социального значения – хорошо, если бы дома жила маленькая белая кошка, которая родила бы двух-трёх белых котят [3, с. 62]. О своей мечте об отшельнической жизни поведал заместитель министра железных дорог Цзэн Чжунмин [3, с. 69], а профессор Шанхайского государственного института коммерции Юй Сунхуа поделился мыслями о том, что в буддийских книгах есть методы ухода от жизненных трудностей, поэтому он хотел бы не менее двух часов в день уделять медитации [3, с. 79].

Часть участников опроса были настроены пессимистически, их мечты о будущем Китая обретали характер кошмарного сновидения. Ба Цзинь признал: «В сегодняшней обстановке даже во сне нет хороших снов, к тому же я не могу снами обманывать себя. „В эту длинную зимнюю ночь“ я только чувствую голод, холод, слышу плач многих людей. Поэтому я могу видеть только страшные сны... Так называемая старая китайская культура заслонила мои глаза, я не вижу будущего у Китая, одно время я даже верил, что у Китая нет будущего. Поэтому в одном из романов я писал такие слова: „У китайской нации, боюсь, нет надежды“» [3, с. 4]. Сходные настроения разделял Лао Шэ: «У меня нет больших надежд на будущее Китая, во сне я также нечасто вижу государство в розовом цвете» [3, с. 8].

Профессор Цзинаньского университета Цюй Кэсюань заметил, что перед его внутренним взором современный Китай предстаёт не как спящий или пробуждающийся лев, а как несчастный верблюд, на которого навьючивают всю мыслимую и немыслимую нагрузку, и каждый день этот верблюд движется вперёд по бескрайней пустыне [3, с. 16]. Своими тревогами по поводу иностранного вмешательства в дела Китая поделился Фэн Цысин из Чжэцзянской провинциальной библиотеки. В своём страшном сне он увидел японца, сказавшего, что Китай или попадёт под международное управление, или его поделят между собой иностранные державы. Явившийся во

сне американец выразил надежду, что Китай станет новой капиталистической страной. Приснившийся советский человек сказал: «Говоришь, весь мир рано или поздно встанет на путь социализма, Китай не может стать исключением». Потом итальянец указал, что для достижения единства Китая лучше всего использовать капитализм и фашизм. «Многочисленные иностранные черти прибежали в Китай, чтобы вести пропаганду». Проснувшись, Фэн Цысин понял, что всё это было сном [3, с. 47, 48].

Внутренние дела страны также не вызвали оптимизма. Известный писатель, главный редактор журнала *Лунь юй* Линь Юйтан с иронией заметил, что не надеется, что повсюду в мире будет великое спокойствие, надеется только, что в Китае не будет войны, больших налогов, люди будут спокойно жить. Он также не надеется, что в Китае будет власть народа, установленная через проведение выборов, но надеется, что народ не будут лишать жизни и собственности. Он также не ожидает, что правительство будет защищать народ, но всё же надеется, что оно не будет сносить людские жилища [3, с. 56, 57]. Директор Института переводов издательства *Каймин шудянь* Ся Гайцзунь увидел во сне Китай, обременённый многочисленными налогами, где жители страны используют только иностранные товары, из труб китайских заводов не идёт дым, тюрьмы переполнены преступниками, повсюду бесчинствуют разбойники [3, с. 57, 58].

Ещё одна группа опрошенных заявила о принципиальном нежелании мечтать и высказалась против этого занятия. Директор Бэйпинского института социальных обследований Тао Мэнхэ подверг критике выбранную журналом тему и заявил, что «мечты – самая опасная вещь». По его словам, мечта выполняет одурманивающую функцию наркотика, надежды на будущее следует планировать исходя из современных фактов, а не из мечтаний [3, с. 23, 24]. Известный публицист, профессор Пекинского университета Чжоу Цзожэнь процитировал свое собственное произведение «Глядя на облака» (*Кань юнь цзи*, 1929 г.), где он писал, что «вера и мечты, любовь и смерть – это высококачественные наркотики» [3, с. 43]. Сходную мысль высказал и Мао Дунь: «Я никогда не мечтаю относительно будущего Китая, я только усердно узнаю реальность. Мечты опасны» [3, с. 30]. Образный аргумент о невозможности мечтаний в китайских условиях привёл Сунь Фуюань из Ассоциации содействия массовому образованию уезда Динсянь провинции Хэбэй: «„В эту длинную зимнюю ночь“ некоторые из нас голодны, некоторым из нас холодно, у некоторых вши и блохи, к некоторым приходят убийцы и грабители, откуда же могут присниться „один-два сладких

и уютных сна“?» [3, с. 44]. Неоднократно процитированные участниками опроса слова о «длинной зимней ночи» взяты из письма-обращения Ху Юйчжи: «Предположим, что реальная жизнь днём напряжённая и полная обид, в эту длинную зимнюю ночь нам по крайней мере могут присниться один-два сладких и уютных сна».

Также необходимо обратить внимание на иллюстрации для специального номера журнала. В нём были напечатаны пять карикатур Фэн Цзыкая «Мечта матери», «Мечта писателя», «Мечта строителя», «Мечта учителя» и «Мечта рикши», с присущей выдающемуся художнику мягкой иронией отразившие стремление людей ускорить ход событий и добиться невероятных результатов. На обложке номера помещён образный рисунок Фэн Цзыкая, на котором ребёнок, положив в таз земной шар, старательно смывает грязь с Китая.

В послесловии к публикации редактор Ху Юйчжи выразил несогласие с теми, кто призывал отказаться от мечты, пояснив, что каждому плану предшествует мечта. По его словам, сомнение – мать изобретений, а мечта – мать реальности; запрет на мечтания – это самая большая опасность, а открытое выражение мечты – гарантия безопасности. «Мы придерживаемся мнения, что мечта – это наше священное право» [3, с. 83].

Ху Юйчжи сослался на попытку «некоторых критиков» (речь шла о Чжоу Цзожэне и его книге «Истоки и развитие новой китайской литературы») выделить два типа литературных произведений – одни несут в себе высокие принципы (*цзайдао* 載道), другие рассказывают о заветных мечтах (*яньчжи* 言志). Эта же классификация, по мнению Ху Юйчжи, применима к опубликованным в журнале рассказам о мечтах. Часть опрошенных представила чётко сформулированные мечты с путями их достижения, что соответствует категории *цзайдао*. Другие поделились субъективными ощущениями, странными мыслями, иллюзиями и личными мечтами, что можно обобщить как *яньчжи*. Некоторые дали лишь описание собственных снов, иногда кошмаров, заставлявших их просыпаться от страха.

По мнению редактора, сны-мечтания с высокими принципами являются «отклонением», тогда как «нормальными» являются не социальные, а индивидуальные заветные мечты людей. Сославшись на фрейдовскую теорию вытесняемого бессознательного, он заметил, что если во сне-мечтании человек проповедует, агитирует, развешивает листовки и выкрикивает лозунги – это ненормально, это «дневной сон-мечта, а не ночной сон-мечта». Настоящей является лишь индивидуальная мечта, не имеющая социальной роли и тесно связанная с человеческим сердцем.

Высказанное редактором *Дунфан цзачжи* предпочтение заветных снов-мечтаний *яньчжи* социально окрашенным мечтам-программам *цзайдао* соответствует духу учения Конфуция. В *Лунь юй* этот сюжет встречается дважды. Один раз Конфуций в беседе с двумя учениками предложил «каждому рассказать о своём желании» (盍各言尔志). Цзы Лу поведал, что хотел бы с друзьями совместно пользоваться колесницей и одеждами, не выражая негодования, если вещи будут испорчены. Янь Юань сказал, что желает не превозносить свои добрые качества и не выставлять напоказ заслуги. После этого о своей мечте поведал сам Конфуций – покой для старых, правдивость для друзей, проявление заботы для младших (V, 26) [2, с. 339].

Другой диалог начинается с того, что ученики рассказывают Конфуцию о своих социально-политических планах. После того, как было сказано о воспитании в обществе моральных качеств,обретении народом материального достатка и установления правильных ритуалов, Цзэн Си заявил, что думает о другом. На это Конфуций сказал: «Какой от этого ущерб? Каждый высказывает свою мечту» (何伤乎? 亦各言其志也). Мечта Цзэн Си была личной и не нацеленной на позитивные перемены в жизни общества: «В конце весны, в третьем месяце, когда все уже носят легкие одежды, в компании пяти-шести юношей и шести-семи отроков [я бы хотел] искупаться в водах реки И, испытать силу ветра у алтаря дождя, и распевая песни, возвратиться» (пер. Л.С. Переломова). Конфуций одобрил именно эти слова, а на просьбу оценить высказывания каждого из учеников заметил: «Каждый высказал свою мечту, всего лишь» (亦各言其志也已矣) (XI, 26) [2, с. 380].

Однако предпочтение заветных снов-мечтаний *яньчжи* социально окрашенным мечтам-программам *цзайдао* вызвало резкое неприятие у Лу Синя. Писатель откликнулся на публикацию *Дунфан цзачжи* статьёй «Слышал о “мечтах”» (*Тинио «мэн»*, в русском переводе «О снах») [1]. Он заявил, что проект Ху Юйчжи потерпел «огромный провал». Представленные интеллектуалами социальные мечтания *цзайдао* о благосостоянии, бесклассовом обществе и мире Датун не содержали упоминаний о пути к их реализации, там «почти не встречалось ни классовой борьбы до построения такого общества, ни белого террора, ни бомбёжек, ни убийств, ни вливания в нос раствора перца, ни казни электричеством... а без таких снов хорошего общества не построить» (пер. Л.Д. Позднеевой) [1, с. 104]. Лу Синь отметил, что ссылка на Фрейда уводит в сторону от анализа китайских мечтаний-сновидений, поскольку ими движет, прежде всего, неудовлетворённое влечение голодных людей к еде. Тех, кто видит

сны *цзайдао*, гонят заботы лишь о хлебе насущном в настоящем и в будущем.

Лу Синь также упрекнул редактора в том, что он позволил «капиталистам» выкинуть неприемлемые ответы из полученных писем. Впоследствии, вспоминая о работе над специальным выпуском журнала, Ху Юйчжи отмечал, что в ответах не было прямой критики Гоминьдана, присутствовала только сатира. Ему действительно говорили, что некоторые статьи лучше не печатать и исправить, однако редактор настаивал на своём. В итоге Ху Юйчжи смог выпустить лишь девять номеров журнала, вскоре он утратил свою должность, во главе издания встали люди, близкие к Ван Цзинвэю.

По прошествии восьмидесяти лет тематический номер о «новогодних мечтах» китайской интеллигенции превратился в ценный материал по истории общественной мысли. Представительная подборка откликов отразила настроения образованного слоя, особенно интересны размышления видных учёных и общественных деятелей, оказавших влияние на развитие Китая в XX в. Несмотря на ограничения, участники опроса были достаточно свободны в высказываниях и представили многообразные подходы к будущему своей страны.

Литература

1. *Лу Синь. О снах / Лу Синь. Собрание сочинений в четырёх томах. Том второй.* М.: ГИХЛ, 1955. С. 103–106.
2. *Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй».* Иссл., пер. с. кит., коммент. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
3. Синь нянь дэ мэньян. 1933 (Новогодние мечты. 1933) // *Дунфан цзачжи.* Т. 33. № 1. 1 января 1933 г. С. 1–83.
4. Шэньбао юэкань. Чжунго сяньдайхуа вэньти хао (Специальный выпуск по проблеме модернизации Китая). Т. 2. № 7. 15 июля 1933 г.